

Хитрюга Самарий Гурарий .

На Брайтон-Бич до недавнего времени жил некий **Самарий Гурарий**. Ему всю жизнь доводилось делать фотографии сильных мира сего: Сталина, Черчилля, Брежнева, Хрущёва. Каждый вечер с балкона своего дома он наблюдал картину великолепных закатов над океаном, прикидывая, как это можно поэффектнее снять. В этом деле он был настоящий дока...

В своё время ему несказанно повезло – из обычного внештатника он стал фотокором “Известий” и делал все правительственные съёмки. Ему не довелось посидеть в тюрьме в 30-е годы, хотя после памятного 1953-го года видел собственное личное дело и знал имена тех, кто на него писал доносы. Более того, сам великий Сталин спас его однажды от неминуемой гибели... Самарий Гурарий знал о Сталине всё! Опытным путём он вычислил, как вождь любит сниматься и как его надо снимать. Знал привычки публичной жизни Сталина.

“На всех торжественных заседаниях он, знаете как, сидел? Любил, чтобы рядом на расстоянии двух-трёх метров никого не было. И сам, без помощников, утверждал снимки для печати. Их раскладывали в его кабинете на столе, Иосиф Виссарионович входил, внимательно смотрел и пальцем, почти без слов, показывал, какой отпечаток должен появиться в завтрашних “Известиях””.

Снимки Гурария никогда не залёживались, потому что ловкий фотограф вычислил главный секрет вождя: Сталина надо было снимать снизу, так как он ходил на метр-полтора впереди всех. И этот ракурс давал оптический обман – при своём довольно маленьком росте Сталин смотрелся на снимках как настоящий гигант. Все попытки обвинить фотографа в монтаже он отвергал и готов был неверующим представить негативы, которыми была забита его квартира на Брайтоне.

Нажимая затвор своей “лейки”, Самарий спиной чувствовал, под каким наблюдением находится...

А однажды случилось страшное:

“Это случилось в кабинете Сталина в 1946-м году. Он подписывал какие-то документы, а я тогда впервые начал со вспышкой снимать. В общем, лейкой отснял всё, что нужно, а потом решил поближе снять. Подхожу, вот я уже у края стола, и вдруг раздаётся грохот: лампочка, которую я привёз из командировки в США, взорвалась. Наступила гробовая тишина. Краем глаза

вижу, как начальник сталинской охраны смотрит на меня в упор. Я похолодел. И вдруг в тишине раздаётся голос Иосифа Виссарионовича:

-- Это не страшно. Это – салют.

Он пошутил и... спас мне жизнь...”

По сравнению с такими съёмками, работа с последующими вождями напоминала санаторий! И Хрущёв, и Брежнев просто обожали сниматься и не скрывали от репортёров своих слабостей. Брежнев, к примеру, был большим охотником до прекрасного пола и с превеликим наслаждением снимался с дамочками на застольях. А Хрущёв и вовсе позировал фотографу со знатными доярками, шахтёрами и спортсменами...

В нынешнее время Самарий Гурарий со своими творениями был бы валютным миллионером, однако жизненные принципы никогда не позволяли ему глумление над памятью великих...